

pocket**book**

Чарльз БУКОВСКИ

ЧТИВО

Чарльз Буковски

ЧТИВО

«ЭКСМО»

1994

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Буковски Ч.

Чтиво / Ч. Буковски — «Эксмо», 1994

ISBN 978-5-04-184551-3

«Чтиво» – последний роман Буковски, его лебединая песня – читателям без чувства юмора просто противопоказана! Это действительно особый род стёба, посвященный «плохой литературе». Сам сюжет книги лишен динамики, лишен интриги, лишен всего, но именно поэтому бесконечно гениален. Главное достоинство романа – стиль повествования. Описания и диалоги переполнены атмосферой грязи, насилия и страха. При этом Буковски буквально каждым предложением пародирует подлинное бульварное чтиво. И хотя авторский стиль упрощен донельзя – хочется отметить потрясающее чувство юмора, которое обязательно придется по вкусу читателям, этим чувством обладающим.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-184551-3

© Буковски Ч., 1994

© Эксмо, 1994

Содержание

1	6
2	7
3	9
4	12
5	15
6	16
7	17
8	18
9	21
10	23
11	24
12	27
13	29
14	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Чарльз Буковски

Чтиво

Charles Bukowski

PULP

Copyright © 1994 by Linda Lee Bukowski

Published by arrangement with Harper Collins Publishers, Inc

© С. Бранд, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Посвящается дурной прозе

1

Сижу у себя в кабинете, аренда закончилась, Маккелви начинает выселение. Солнце печет не по-детски, а кондиционер сломан. По столешнице муха ползет. Потянулся и прихлопнул ладонью, вывел из игры. Вытер руку о штанину, и тут – телефонный звонок.

Я взял трубку.

– Да, слушаю.

– Селина читали? – спросила женщина.

Очень сексуальный голос. А я уже какое-то время один, ну, несколько лет наверно.

– Селина, м-м-м... – промычал я.

– Мне нужен Селин, очень нужен.

Такой голос, – это что-то! Надо признаться, меня цепляло.

– Селин? Расскажите о нем что-нибудь. Поговорите со мной еще немного.

– Штаны застегните.

Я глянул вниз.

– Как это вы узнали?

– Неважно. Мне нужен Селин.

– Селин умер.

– А вот и нет. И я хочу, чтобы вы его нашли. Он мне нужен.

– Ну, его кости я бы может и смог найти.

– Да он жив, дурак.

– Да? И где он живет?

– В Голливуде. Я слышала, он там ошивается у книжного магазина Реда Колдовски.

– Почему бы вам самой его не отыскать?

– Сначала мне нужно знать, действительно ли это Селин. И знать нужно точно, на сто процентов.

– Но зачем вам для этого именно я? В городе других детективов мало?

– Бартон рекомендовал вас.

– А, Бартон, ну да. Слушайте, короче, мне нужен какой-никакой аванс. И неплохо бы побеседовать лично.

– Буду минут через десять.

Она повесила трубку, я застегнул ширинку.

И стал ждать.

2

Она вошла.

В общем, это, так нечестно. Платье облегалo ее так, что чуть по швам не расходилось. Любит она шоколадки, не иначе. А высоченные каблукИ больше напоминали ходули. Она переступала на них, как пьяный инвалид, раскачиваясь туда-сюда по кабинету. Восхитительная роскошь плоти, аж голова кружится.

– Садитесь, леди, – пригласил я.

Она села, положив ногу на ногу, так высоко, что чуть мне глаз не выбила.

– Рад вас видеть.

– Хватит пялиться, чего вы тут еще не видели.

– Такого не видел. Назовите свое имя, пожалуйста.

– Леди Смерть.

– «Леди Смерть»? Вы из цирка что ли? Или в кино снимаетесь?

– Нет.

– Место рождения?

– Это неважно.

– Год рождения?

– Бросьте эти шуточки...

– Я пытаюсь всего лишь узнать что-то о вас.

Я как-то растерялся и стал шарить глазами по ее ногам. Ножки – моя слабость. Это ведь первое, что я увидел, появившись на свет. Но тогда я пытался выбраться наружу, так что с тех пор стремлюсь только в обратном направлении. Успехи так себе.

Раздался щелчок пальцами.

– Эй, хорош!

– А? – я поднял глаза.

– Селин. Не забыли?

– Помню.

Я распрямил пальцами скрепку и кончик направил на нее.

– Без чека за услуги не обойтись.

– Ну разумеется, – улыбнулась она, – сколько с меня?

– Шесть долларов в час.

Достав чековую книжку, гостя расписалась, вырвала листок и бросила мне. Листок приземлился на стол. Я взял посмотреть: «\$240». Таких денег я не видел с восьмьдесят восьмого года, когда выиграл в экспресс-лотерею в Голливудском парке.

– Благодарю вас, Леди...

– ...Смерть.

– Да. Так, теперь просветите меня немного про этого Селина. Вы что-то про книжный говорили?

– Ну, да, он появлялся в магазине Реда. Что-то искал, спрашивал Фолкнера, Карсон Маккаллера, Чарльза Мэнсона.

– Значит, в книжном отсвечивает. Так...

– Да. Вы знаете Реда, он не любит, когда кто-то у него задерживается. Ты можешь потратить там тысячу баксов, но стоит только помедлить пару минут, как он прицепится: «Не пора ли вам уже убраться отсюда?» Ред вообще ничего парень, но чудик. В общем, Селина он снова и снова выпроваживает, а тот идет в бар Мюссо и торчит там у стойки с грустным видом. Но завтра или послезавтра он приходит опять и все повторяется.

– Селин умер. На день позже Хемингуэя, тридцать два года назад.

- Я слышала про Хемингуэя. Он у меня.
  - Вы уверены, что это он?
  - О, да.
  - Тогда почему вы не уверены, что данный Селин именно тот, который нужен?
  - Не знаю. У меня с ним какой-то ступор. И раньше такого никогда не было. Может быть, я слишком долго играла в эту игру. А потом Бартон вас хвалит, и вот я здесь.
  - И вы думаете, что настоящий Селин жив? Он нужен вам?
  - Нужен позарез, мальчик мой...
  - Билейн. Ник Билейн.
  - Хорошо, Билейн. Но я хочу быть уверена. Это должен быть настоящий Селин, а не какой-то хрен с горы. А то их таких много.
  - А то я не знаю.
  - Ну вот и займитесь этим. Мне нужен величайший писатель Франции. Я слишком долго ждала.
- После этого она встала и вышла. В жизни не видел такой классной задницы. Это выше любого понимания. Выше всего. А теперь оставьте меня, я хочу подумать о ней.

3

Настало завтра.

Я отменил свое выступление в Торговой палате в Палм-Спрингсе.

Шел дождь, сверху капало. Дождь просачивался через потолок и раздавалось – кап, кап, кап, кап, еще кап, еще кап, кап, кап, еще и еще кап, кап-кап...

Саке меня, конечно, согревало. Но тепло ли мне было? Ни так, ни сак, наверно. Мне пятьдесят пять, а даже нечего подставить под протечку. Говорил мне отец, что под старость буду страдать фигней на чужом заднем дворе в каком-нибудь Арканзасе. Времени достичь этого у меня еще достаточно, а автобусы туда, если что, ходят каждый день. Но от автобусов у меня запор начинается, и вечно в них дрыхнет и храпит какой-нибудь старикан с немой бородой. Пожалуй, заняться Селином будет поинтереснее.

Что ж, был ли Селин и вправду Селин? Я и про себя-то иногда не мог точно сказать, кто я такой. Ну ладно, я Никки Билейн. Но это не точно. Если кто-нибудь крикнет: «Эй, Гарри! Гарри Мартелл!», – я, скорее всего, отзовусь: «Да, чего?» В смысле, я мог быть кем угодно, какая разница? Так ли важно, как меня зовут? В чем вообще смысл имени?

Странная штука жизнь, верно? В команде по бейсболу меня всегда ставили последним. Знали, крысы, что я этот мяч могу к черту в Денвер зафигачить. Завидовали.

У меня был талант. И сейчас есть! Иногда, глядя на свои руки, я думал, что мог стать великим пианистом или еще кем-нибудь. Но что я в итоге делал этими руками? Чесал яйца, выписывал чеки, завязывал шнурки, спускал унитаз и т. д. и т. п. Пропали эти руки, короче говоря. И голова тоже не пригодилась.

Дождь шел, я сидел.

Зазвонил телефон. Я протер его просроченным счетом из налоговой и взял трубку.

– Ник Билейн слушает.

Или это Гарри Мартелл слушает?

– Беспокоит Джон Бартон, – заговорили на том конце.

– Да-да. Вы рекомендовали меня, большое спасибо.

– Я наблюдаю за вами, у вас определенно есть талант. Неограниченный, но это скорее плюс.

– Рад слышать. Дела неважно идут.

– Я наблюдаю за вами. У вас все получится, еще немного терпения.

– Хорошо. Чем могу быть полезен, господин Бартон?

– Мне нужно отыскать Красного Воробья.

– «Красного Воробья»? А это что за чудо в перьях?

– Да вот есть такой, и я хочу найти его. Надо, чтобы именно вы занялись этим.

– А есть какие-нибудь примерные ориентиры?

– Нет, но я уверен, что он где-то существует, точно.

– А этого Воробья зовут как-нибудь?

– Не понял.

– Имя у него есть? Типа Генри или Абнер. Или там Селин...

– Нет, это просто Красный Воробей, и я точно знаю, что вы его найдете. Я в вас верю.

– Но это будет кое-чего стоить, господин Бартон.

– Если вы найдете его, я стану вам выплачивать сто долларов в месяц пожизненно.

– Хм... А всю сумму разом нельзя получить?

– Нет, Ник, вы ее тут же спустите на скачках.

– Ладно, господин Бартон, оставьте мне ваш номер и я займусь этим.

Бартон продиктовал номер и добавил:

– Я искренне верю в вас, Билейн.

И повесил трубку.

Что ж, дела налаживаются. Но с потолка льет как никогда. Я стряхнул с себя дождевые капли, глотнул sake, скрутил сигарету, зажег ее, затянулся, раскашлялся. Надел коричневый котелок и включил автоответчик. Медленно направился к двери, открыл, а там стоит Маккелви. Широкая грудь, а плечи такие, словно там от души поролоном набито.

– Аренда окончена, засранец, – выпалил он. – Чтобы твоей задницы тут больше не было.

Тут я посмотрел на его живот, похожий на гору дерьма. Недолго думая, я втопил туда свой кулак. А лицо гостя в это же мгновение встретилось с моим коленом. Маккелви упал и скорчился на боку. Неприглядное зрелище. Я приблизился, вытащил его бумажник. Там оказались фотографии детей в откровенных позах.

А не грохнуть ли его? Но вместо этого я лишь взял карту «Золотая виза», пнул его разок по заднице и вызвал лифт.

Решил пройтись до магазина Реда. Сяду за руль – опять где-нибудь не там припаркуюсь, а разбрасываться деньгами на штрафы я себе позволить не могу.

Всю дорогу до книжного меня одолевали мрачные мысли. Человек рождается, чтобы умереть. Что это значит? Это значит болтаться без толку и все время чего-то ждать. Ждать какого-нибудь автобуса. Ждать летней ночью в номере вегасского отеля, когда же явится пара больших буферов. Ждать, когда рак на горе свистнет. Ждать, когда жареный петух клюнет. И опять без толку болтаться.

Ред был на месте.

– Тебе повезло, только что свалил этот пьяница Чинаски. Болтал тут про свои марки.

– Да ладно, пес с ним. У тебя есть экземпляр «Когда я умирала» Фолкнера с автографом?

– А то!

– Сколько стоит?

– Две восьмьсот.

– Подумаю.

– Минутку, – сказал Ред и повернулся к парню, который листал большим пальцем первое издание «Домой возврата нет».

– Эй, положи книгу на место и проваливай!

Парень был на вид хиловатый и очень сутулый, в желтом дождевике.

Он поставил книгу на полку и прошел мимо нас к выходу, а на глаза слезы наворачивались. Дождь перестал. Дождевик уже ни к чему.

Ред посмотрел на меня.

– Ты только подумай, вот такие, как он, заходят сюда с мороженым!

– Я могу и не такое представить.

В глубине магазина стоял еще один человек. Кажется, я узнал его по фотографиям. Это Селин. Селин ведь?

Я медленно подошел к нему, довольно близко. Было видно, какую книгу он читает. Это была «Волшебная гора» Томаса Манна.

Человек увидел меня.

– У этого парня проблема, – сказал он, потрясая книгой.

– С чем?

– Он считает тоску искусством.

Человек, похожий на Селина, поставил книгу на место. Я рассматривал его.

– Удивительно.

– Что именно?

– Я думал, вас нет в живых, – ответил я.

Он взглянул на меня.

– Я тоже думал, что вас нет в живых.

Так мы и стояли там, глядя друг на друга.

Ред напомнил о себе.

– Эй, ты там! Вали отсюда, тебе говорят! – завизжал он.

Но нас там было двое и я спросил, кому следует валить.

– Тому, кто на Селина похож. Вали давай!

– А что случилось? – спросил я.

– Я прекрасно вижу тех, кто все равно ничего не купит!

Селин (или уж не знаю, кто он) направился к выходу. Я двинул за ним.

Он прошел немного в сторону бульвара и остановился у газетного киоска.

Киоск этот там был всю жизнь. Однажды, лет двадцать-тридцать назад, я около него встретил трех проституток, позвал их всех к себе, и одна из них мастурбировала моему псу. Их это забавляло. Они были пьяные и под колесами. Потом другая пошла в туалет, грохнулась там башкой и все испачкала кровью, пришлось долго вытирать большими мокрыми полотенцами. Я отнес ее в кровать и потом сидел с остальными, пока они, наконец, не ушли. А та, что башку разбила, осталась на четыре дня и четыре ночи, уничтожила все запасы пива и бесконечно говорила про своих двоих детей в Миссури.

В общем, парень этот – Селин или нет? – стоял у киоска с журналом. Подойдя ближе, я разглядел, что это «Нью-Йоркер». Он положил журнал на место и посмотрел на меня.

– Только одно мне не нравится, – сказал он.

– Что именно?

– Они понятия не имеют, как надо писать. Никто.

Мимо проезжало пустое такси, и он громко окликнул водителя. Машина замедлила ход, он устремился к ней и нырнул в открывшуюся дверь на заднее сиденье.

– Эй, подождите, – крикнул я. – Вопрос есть!

Такси умчалось в направлении Голливудского бульвара. Селин выглянул из машины, высунул руку, показал мне средний палец и был таков.

Вообще, в том районе я не видел такси лет десять. В смысле, чтобы именно пустое проезжало.

Так, дождь закончился, но тоска не проходила. Кроме того, стало прохладнее, а запах вокруг стоял такой, как будто кто-то пустил ветры, но перестарался.

Я поднял воротник, втянул голову и двинулся в сторону Мюссо.

Итак, у меня есть золотая «Виза». Я жив. Временами даже ощущаю себя Ником Билейном. И напеваю себе под нос песенку Эрика Коутса.

Ад таков, каким ты сделаешь его сам.

4

Почитал про Селина в словаре Уэбстера. 1891–1961. Сейчас 1993 год. Если он жив, то ему сто два. Неудивительно, что Леди Смерть им заинтересовалась.

Ну, а парню из книжного на вид лет сорок, может быть пятьдесят. Все ясно, это не Селин, если только он не изобрел способ победить старость. Вот как кинозвезды например: берут и лепят кожу с задницы на лицо. Все дело в том, что на заднице морщины появляются позже всего. Так что в пожилом возрасте они все жополищые. Стал бы Селин так делать? Да и кому охота жить до ста двух лет? Дуракам если только. Зачем ему понадобилось задержаться? Все это какой-то бред. Леди Смерть ненормальная, я сам ненормальный. Пилоты авиалайнеров ненормальные. Никогда не смотрите на пилотов, просто поднимайтесь на борт и закажите выпить.

Я некоторое время понаблюдал за совокупляющимися мухами и решил позвонить Леди Смерти. Расстегнул ширинку и стал ждать, когда она ответит.

– Алло? – ответила Леди Смерть.

– Э-э...

– Что? А, Билейн, это вы? Ну как, есть что-нибудь?

– Селин уже умер, он родился в 1891 году.

– Билейн, я в курсе этих цифр. Поймите, я знаю, что он жив. Он где-то есть... И человек в книжном... Может быть это он! Ну как, у вас получается что-нибудь? Мне очень нужен этот парень... Очень!

– Э-э...

– Застегните ширинку.

– А?

– Глухой, что ли? Ширинку застегни, говорю.

– А! Ну ладно...

– Мне нужно четкое доказательство, что он либо есть, либо его нет. Я вам говорила, что у меня с ним трудности. А Бартон порекомендовал вас, сказал, что вы один из лучших.

– Ну, да, я же и на Бартона сейчас работаю. Пытаюсь найти Красного Воробья. Вам что-нибудь о нем известно?

– Знаете, Билейн, если вы разберетесь с Селином, я вам *скажу*, где Красный Воробей.

– О, в самом деле? Я для вас все что угодно сделаю.

– Например?

– Ну, например убью моего ручного таракана. Да я бы мать родную продал, будь она здесь...

– Что вы несете!.. Я начинаю думать уже, что Бартон пошутил, посоветовав обратиться к вам. Давайте лучше за дело беритесь. Ищите Селина или я за вами приду, ясно?

– Подождите минутку...

Но телефон уже молчал как могила. Я положил трубку на место. Ох. Леди Смерть... За мной-то она явится в момент...

Пора браться за дело.

Я оглядел кабинет: не прихлопнуть ли какую-нибудь муху?

Тут дверь распахнулась и я увидел Маккелви и какого-то идиотского вида придурка-переростка. Маккелви посмотрел на меня и кивнул в его сторону:

– Это Томми.

Томми вылупил на меня свои крохотные мутные глазки:

– Здравова!

Маккелви зловеще ухмыльнулся.

– Короче, Билейн, Томми пришел сюда с одной целью, чтобы от тебя осталась кучка красного куриного дерьма. И не мгновенно. Верно, Томми?

– Ага!

Весил этот Томми на вид килограммов сто шестьдесят. Ну, если всего обрить, может, сто пятьдесят. Я ответил доброй улыбкой.

– Слушай, Томми, ты ведь меня не знаешь?

– Угу.

– Тогда зачем тебе меня бить?

– Маккелви сказал.

– А если он тебе скажет литр мочи выпить?

– Эй, хорош парня путать, – вмешался Маккелви.

– Томми, дорогой, ты бы и мамины какашки съел, если бы тебе Маккелви сказал, да?

– Че?

– Заткнись, Билейн, говорить тут буду я.

Маккелви повернулся к Томми:

– Так, короче, порви его, как старую тряпку, просто в клочки и раскидай по ветру, сам знаешь какому, понял?

– Понял, мистер Маккелви.

– Ну и чего ты тут ждешь, второго пришествия что ли?

Томми сделал шаг в мою сторону. Я вынул из ящика «парабеллум» и наставил на надвигающуюся громаду.

– Стой, Томас, а то станешь краснее формы «Ливерпуля».

– Эй, – вмешался Маккелви, – где ты взял эту штуку?

– Сыщик без пушки все равно что котяра с пачкой презервативов. Или все равно что циферблат без стрелок.

– Билейн, не дури.

– Где-то я такое уже слышал. Теперь скажи этому парню, пусть отойдет, а то я ему такую дыру сделаю, что апельсин пролезет.

– Томми, отойди назад и встань передо мной.

Томми отступил, и теперь мне предстояло решить, что с ними делать. Но по части решений я не силен. Я же не протираю штаны в Оксфорде. Я спал на биологии, плохо учился по математике. Но, как видите, живой пока.

Вроде бы.

А раз уж я взял хорошую карту – мне ходить, и решать тоже мне. Сейчас или никогда. Сентябрь скоро. Воронье собирается. Солнце набрякло кровью.

– Так, Томми, – скомандовал я, – на колени и руки на пол, быстро.

Он посмотрел на меня, как будто не слышал.

Я улыбнулся и снял «парабеллум» с предохранителя.

Томми при всей тупости был все-таки не глухой.

Он бухнулся на четвереньки, отчего по всему этажу прошла сейсмическая волна баллов на шесть. Мой ненастоящий Дали слетел со стены на пол. Та самая картина с растекающимися часами.

Томми громоздился внизу глыбой из Большого Каньона и глядел на меня.

– Вот что, Томми, ты слон, а Маккелви погонщик слона. Соображаешь?

– Че?

Я перевел взгляд на Маккелви:

– Давай, полезай.

– Билейн, ты охренел?

– Кто ж знает? Психическое здоровье понятие относительное. Что считать нормой?

- Не знаю.
- Лезь уже!
- Ладно, хорошо. Но я раньше никогда так не влипал из-за аренды.
- Лезь, козел!

Маккелви взобрался на спину Томми. Еле-еле смог свесить ноги по бокам, чуть зад не треснул.

- Молодец. Теперь, Томми, так как ты слон, вези его на площадку к лифту. Вперед!

Томми принялся ползти к двери.

- Билейн, ты у меня еще попляшешь, клянусь лобковыми волосами моей матери!

– Еще раз со мной свяжешься, я тебе оторву твой детородный инструмент и отправлю его в мусоропровод.

Я открыл дверь, и Томми выполз вон, унося мальчишку-наездника.

Он уже добрался до лестничной площадки, а я сунул «парабеллум» в карман плаща и нащупал там измятый листок бумаги. Посмотрел. Это оказались мои ответы на тест по вождению, когда обновлял права. Сплошные красные росчерки. Не сдал.

Швырнул бумажку через плечо и последовал за дорогими друзьями. Добрались до лифта, я нажал кнопку вызова кабины. Пока ждали, бубнил фрагментик из «Кармен».

Тут я вдруг вспомнил, что однажды прочитал где-то, как Джимми Фокса нашли мертвым в номере какого-то занюханного отеля. Такой спортсмен был, а умирал черт-те где с клопами.

Лифт приехал. Двери открылись, и я проводил туда Томми пинком под зад. Он заполз в лифт, таща на спине Маккелви. В лифте было три человека, они читали газеты.

И продолжали читать. Лифт уехал вниз.

Я – по лестнице, у меня избыточный вес. Нужны легкие физические нагрузки.

Сбежал на первый этаж по ста семидесяти шести ступеням, я посчитал. У табачного ларька взял сигару и «Дейли Рейсинг Форм», газету с новостями о скачках.

На улице я целеустремленно зашагал сквозь городской смог. У меня голубые глаза и старые ботинки. Меня никто не любит. Но у меня есть чем заняться.

Я Никки Билейн, частный детектив.

5

К сожалению, в тот день я пошел на ипподром, а вечером напился. Но время не прошло впустую: я размышлял, сопоставлял и отсеивал факты. Держал все под контролем. В любую минуту я могу нащупать разгадку. Будьте уверены.

6

Назавтра я решил испытать судьбу и пошел в офис. В конце концов, что за сыщик без кабинета?

Я открыл дверь. И кого я увидел за моим столом? Не Селина. Не Красного Воробья. Там был Маккелви. Он встретил меня фальшивой приветливой улыбкой.

– Привет, Билейн. Ну что, висят?

– А чего? Показать?

– Нет, спасибо.

Он почесал свои и зевнул.

– В общем, мальчик мой, аренда твоя оплачена на год вперед неким доброжелателем.

Это Леди Смерть с тобой играет, сказал голос у меня в голове.

– Это кто-то, кого я знаю?

– Я поклялся честью матери, что не скажу.

– Честью твоей матери? Насмешил, в каком месте там честь-то?

Маккелви приподнялся из-за стола.

– Не напрягайся, – сказал я, – а то башкой прямиком в помойку отправишься.

– Не люблю, когда ты мою мать трогаешь.

– Ну и что? В этом городе ее каждый второй трогает.

Маккелви двинулся вокруг стола в мою сторону.

– Если подойдешь, засуну твою башку тебе же в задницу.

Он остановился. Когда я на нервах, я сею страх.

– Ладно, в общем, расскажи-ка, этот доброжелатель... Это женщина, верно?

– Да, да. В жизни не видел такой бабы.

Глаза Маккелви замаслились больше обычного.

– Ну, давай, Мак, расскажи еще что-нибудь.

– Не могу. Обещал. Честь матери.

– Боже мой, – вздохнул я, – ладно, проваливай, все равно за меня заплатили.

Маккелви прошаркал в сторону двери и оглянулся на меня через левое плечо.

– Хорошо. Но здесь должно быть чисто и аккуратно. Никаких тусовок, азартных игр, чтобы без всякой дури. У тебя есть год.

Он дошел до двери, открыл ее, закрыл и удалился.

7

И вот я снова у себя в кабинете.

Пора за работу. Я потянулся к телефону и набрал номер букмекера.

– Тони «Пицца навынос», я слушаю.

Я назвал кодовое имя.

– Это господин Медленная Смерть.

– Билейн, с тебя четыреста семьдесят пять долларов, я твою ставку не приму. Заплати и начнем с чистого листа.

– Я ставлю двадцать пять долларов, так что пусть с меня будет полтыщи. Если я проиграю, то отдам все, честью матери клянусь.

– Твоя мать, между прочим, должна мне двести тридцать.

– Вот как? А у твоей мамы бородавки на заднице.

– Чего? Билейн, это ты что ли был?

– Не, не, это другой парень. Он мне сказал.

– Тогда ладно.

– Короче, я ставлю двадцать пять долларов на Подпаленную Бабочку, шестой заезд.

– Хорошо, принято. Удачи. Она тебе пригодится.

Я повесил трубку. Вот дерьмо, человек рождается, чтобы бороться за каждый квадратный сантиметр. Появляется на свет, чтобы бороться и умереть.

Я поразмышлял об этом. Потом о чем-то еще.

Откинулся в кресле, хорошенько затянулся и сделал почти идеальное колечко из дыма.

8

После ланча решил снова зайти в офис. Открыв дверь, я увидел, что за моим столом сидит какой-то парень. Это был не Маккелви. Кто это, я не знал. Людям, видимо, нравится за моим столом посидеть. Кроме парня, который сидел, в помещении находился еще парень, который стоял. Выглядели они недоброжелательно. Спокойно, но недоброжелательно.

– Меня зовут Данте, – сказал тот, что за столом.

– А меня Фанте, – сказал второй.

Я промолчал. Я шел наугад. По спине к голове пробежал холодок, вышел в потолок.

– Нас прислал Тони, – сказал парень за столом.

– Я не знаю Тони. Вы, господа, адресом не ошиблись?

– Ах, да, – сказал второй парень.

– Подпаленная Бабочка сошла с дистанции, – сказал Данте.

– Сбросила жокея прямо на старте, – дополнил Фанте.

– Не может быть.

– Это правда. Хоть у пыли спроси.

– Накрылась твоя ставка, – сказал Данте.

– И Тони говорит, что ты нам должен пятьсот баксов.

– А, это... Сейчас, они у меня там.

Я направился к столу.

– Даже не думай, придурок, – хмыкнул Данте. – Твою пукалку мы уже нашли.

Я сделал шаг назад.

– Короче, – произнес Фанте, – ты догоняешь, что мы тебе не дадим спокойно наслаждаться свежим воздухом, пока ты должен Тони пять сотен?

– Мне нужно три дня.

– У тебя три минуты.

– А что это вы так? В смысле, почему вы по очереди разговариваете? Сначала Данте, потом Фанте... Никогда не ломаете ритм?

– Мы здесь, чтобы что-то другое поломать, – сказали они одновременно, – пару твоих ребер.

– О, неплохо, мне понравилось. Дуэтом заговорили!

– Умолкни, – рявкнул Данте. Он вынул сигарету и взял ее губами. – Хм... Зажигалку забыл. Иди сюда, придурок, сигарету запали.

– Придурок? Это ты сам с собой что ли?

– Да нет, ты, придурок, иди сюда. Запали сигарету, резче давай.

Я нашел зажигалку, сделал несколько шагов и остановился перед самой противной рожей, какую я когда-либо видел. Щелкнул зажигалкой, поднес ее к сигарете.

– Молодчина, – сказал Данте. – Теперь возьми эту сигарету себе в рот горячим концом и держи, пока я не скажу.

– Э-э...

– Или ты так сделаешь, или обзаведешься дырой, достаточно крупной, чтобы в ней танцевали гномики из Диснейленда.

– Одну минутку...

– У тебя пятнадцать секунд, – сказал Данте, вынул карманные часы и пустил секундомер. – Время пошло. Четырнадцать, тринадцать, двенадцать, одиннадцать...

– Ты серьезно что ли?

– Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три...

Раздался щелчок предохранителя.

Я выхватил сигарету изо рта у Данте и сунул себе в рот горящим концом. Я старался собрать побольше слюны и убрать язык, но не получилось, ох, как больно, как больно!!! Больно и противно. Я начал давиться и выплюнул эту дрянь.

– Безобразник! – сказал Данте. – Ты должен был держать, пока я не скажу. Придется начать сначала.

– Иди в жопу! Лучше убей.

– Как скажешь, – ответил Данте.

В этот момент открылась дверь и вошла Леди Смерть. Нарядная как никогда. Я даже забыл почти про чертову сигарету и ожог во рту.

– Ух ты, – удивился Данте, – вот это куколка! Ты ее знаешь, Билейн?

– Виделись.

Она подошла к креслу и села нога на ногу. Юбка высоко задралась. Какие ноги, мы все как один просто офигели. Даже я, хотя я их уже видел.

– Кто эти клоуны? – спросила она.

– Это посланцы человека по имени Тони.

– Скажи, чтобы проваливали. Твой клиент я.

– Так, ребята, видите, вам пора.

– Да ты что? – сказал Данте.

– Да ты что? – сказал Фанте.

И оба рассмеялись. Но затем одновременно перестали.

– Этот парень такой смешной, – заключил Фанте.

– Ага! – отозвался Данте.

– Сейчас я с ними разберусь, – произнесла Леди Смерть.

И она стала пристально разглядывать Данте. Тот сразу начал как-то съезжать вперед со своего кресла. Он на глазах побледнел.

– Боже мой, – сказал он, – что-то мне нехорошо.

Он побелел, потом пожелтел.

– Мне плохо... Мне очень плохо!

– Может, это от рыбных палочек? – предположил Фанте.

– Палочек-фигалочек... Я сваливаю, мне к врачу надо или я не знаю что...

Тут Леди Смерть перевела взгляд на Фанте. Тот заговорил так:

– Что-то голова кружится... Что это такое? Какие-то вспышки... Хвосты комет... Где я?

Он направился к двери, Данте за ним. Ребята открыли дверь и медленно поковыляли к лифту. Я вышел и посмотрел, как они зашли в лифт. Увидел их в последнюю секунду, уже когда двери закрывались. Выглядели они ужасно, просто ужасно.

Я вернулся в кабинет.

– Спасибо. Очень выручили.

Я огляделся, ее не было. Посмотрел под столом. Никого. Посмотрел в ванной. Никого. Открыл окно и глянул вниз, на улицу. Тоже никого. В смысле, народу там слонялось много, но ее не было. Могла бы хоть попрощаться. И все-таки, хорошо, что пришла.

Я опять сел за стол. Снял трубку, набрал номер Тони.

– Да? – ответил он. – Это...

– Тони, это господин Медленная Смерть.

– Что? Ты еще можешь говорить?

– Говорю вполне на уровне, Тони. Давно не чувствовал себя так хорошо.

– Не понял...

– Тут твои ребята заходили...

– Так?..

– В этот раз легко отделались. Если придут снова, получают по полной.

Тони молчал, дыша в трубку. Дышал он с большим недоумением. Потом раздались гудки. Я достал из нижнего левого ящика бутылку шотландского виски, отвинтил пробку и хорошенько приложился.

Наехал на Ника Билейна – жди беды. Вот так, очень просто.

Я завинтил пробку, положил бутылку на место и подумал, что делать дальше. У хорошего детектива всегда есть чем заняться. Видели такое в фильмах, наверно.

9

Раздался стук в дверь. Точнее, пять быстрых ударов. Стучали громко, настойчиво.

Я разбираюсь в стуках и обычно понимаю, что предвещает та или иная манера. Если прогноз плохой, я просто не отзываюсь.

В этот раз было фифти-фифти.

– Войдите.

Дверь распахнулась. Вошел мужчина, на вид за пятьдесят. Ни богатый, ни бедный, ни спокойный, ни нервный, с огромными ногами и бородавкой на лбу слева. Глаза карие, носит галстук. Две машины, две квартиры, детей нет. Ходит в бассейн и спа, играет на бирже, довольно туп.

Итак, он стоял в дверях, слегка потев и уставившись на меня.

– Садитесь, – пригласил я.

– Меня зовут Джек Басс, и...

– Я знаю.

– Что вы знаете?

– Вы подозреваете, что ваша жена занимается сексом с кем-то еще и может быть он даже не один.

– Верно.

– Ей нет тридцати.

– Да. Мне нужно, чтобы вы доказали, что она это делает. Тогда я подам на развод.

– А зачем эта суета? Просто подайте на развод и все.

– Но я хочу доказать, что она... она...

– Не стоит. Она так и так получит свои отступные. Сейчас новые времена.

– Не понял.

– Это называется развод без взаимных претензий. Кто что делал – не важно.

– Как так?

– Ну, так меньше всяких проволочек, суды немного разгружаются.

– Но это разве справедливо?

– Считается, что да.

Басс продолжал сидеть, тяжело дышал и смотрел на меня.

Мне было необходимо продолжать дело Селина, найти Красного Воробья, а тут этот дряблый боров нарисовался, потому что его жена с кем-то там кувыркается.

Он заговорил:

– Мне просто надо выяснить. Хотя бы для себя.

– Это будет дорого стоить.

– Сколько?

– Шесть долларов в час.

– Не так уж дорого.

– Для меня нормально. У вас есть фотография жены?

Он полез в бумажник, нашел карточку и передал ее мне.

Я посмотрел.

– Ничего себе. Она правда так выглядит?

– Да.

– Я только глянул, а у меня уже стоит. Крутая.

– Ага, а то я не знал.

– Пардон. Но мне эта фотография понадобится. Верну, когда закончим дело.

И убрал ее в свой бумажник.

– Она живет с вами?

– Да.

– Вы ходите на работу?

– Да.

– И в это время она иногда...

– Да.

– А почему вы решили, что она...

– Кое-что слышал, ну и потом звонки, голоса у меня в голове, она стала иначе себя вести и прочее.

Я подвинул к нему блокнот.

– Запишите ваш адрес. Домашний и рабочий, еще телефон, тоже домашний и рабочий. Начнем с этого. Возьму ее за задницу. Мы все докажем.

– Что?

– Я беру это дело, господин Басс. Сообщу, когда будет пора срывать плоды.

– Какие плоды? Вы точно в своем уме?

– В извращениях не замечен. А вы?

– Да в общем тоже.

– Тогда не беспокойтесь. Я работаю на вас. И возьму ее за задницу.

Басс медленно поднялся. Направился к двери, но оглянулся.

– Вас рекомендовал Бартон.

– Ну вот, опять. Всего хорошего, господин Басс.

Дверь закрылась, он ушел. Эх, хорош старина Бартон.

Я достал из бумажника фотографию и просто сидел и смотрел.

Ах ты, сучка, думал я. Сучка.

Я встал и запер дверь, снял с телефона трубку. Сидел за столом, разглядывая фотоснимок.

Вот сучка, думал я. Я тебя схвачу за задницу! И припру к стенке! Пощады не жди! Поймаю с поличным! Прямо вот в этот момент! Шлюха, сучка, шлюха!

Я стал тяжело дышать и расстегнул ширинку. И тут началось землетрясение. Я вырвал фотографию и забился под стол. Хорошо трянуло, баллов на шесть. Продолжалось пару минут, наверно. Потом стихло. Я вылез из-под стола с расстегнутой ширинкой. Нашел фотографию, убрал в бумажник и застегнулся. Секс – это ловушка, капкан. Это для животных. Для меня это слишком примитивно. Я положил телефонную трубку на место, открыл дверь, вышел, запер дверь и направился к лифту. Пора за дела. Я лучший сыщик во всем Лос-Анджелесе и Голливуде тоже. Ткнул кнопку и стал ждать, когда притащится чертов лифт.

10

Остаток дня и ночь опустим, ничего не было, рассказывать не о чем.

11

Следующим утром в восемь часов я сижу в своем «жуке», через улицу от дома Джека Басса. С похмелья башка трещит, я читаю «Лос-Анджелес Таймс». Между прочим, я заранее кое-что узнал. Жену Басса зовут Синди. Синди Басс, девичья фамилия Мэйбелл. В газетных вырезках я прочитал, что она однажды победила в одном малоизвестном конкурсе красоты, а именно – «Мисс Большой Пикник 1990 года». Она модель, актриса эпизодических ролей, любит кататься на лыжах, играть в баскетбол и водное поло, занимается на фортепиано. Любимый цвет красный. Любимый фрукт банан. Любит вздремнуть днем. Любит детей. Любит джаз. Читает Канта. Вот так. Хотела бы начать карьеру в области права. Встретила Джека Басса за игрой в рулетку в Лас-Вегасе. Через два дня и две ночи они расписались.

Около половины девятого Джек Басс сел в свой «Мерседес» и отправился на работу, он занимал административную должность в корпорации «Ацтек петролеум». Теперь мы с Синди один на один. Ну, сейчас я ее с треском разоблачу! Она сдастся на милость победителя. Я достал фотографию, чтобы еще раз на всякий случай проверить. Начал потеть. Опустил солнцезащитный козырек. Вот же шлюха, устроила головную боль Джеку Бассу, а!..

Убрал фотографию обратно в бумажник. Как-то не по себе стало. В чем дело? Я неравнодушен к ней? Внутри у нее кишки, как у всех. В ноздрях волоски, в ушах сера. Чего особенного-то? Почему ветровое стекло передо мной качается как море? Это все похмелье, не иначе. Вчера пил водку, потом догнал пивом. Вот и расплата. А что хорошо в пьянстве – так это то, что никогда не бывает запора. Иногда я вспоминал о печени, но моя печень никогда не возмущалась, никогда я от нее не слышал: «Остановись, ты меня убиваешь, вот и я тебя убью!» Если бы печень говорила, никому не понадобилось бы общество анонимных алкоголиков.

Итак, я сидел в машине и ждал. Когда же выйдет Синди...

Было душноватое летнее утро.

Видимо, в машине я заснул. Даже не знаю, что меня разбудило. Но как раз в этот момент отъезжал её «Мерседес». Она развернулась и поехала на юг. Я за ней. «Мерседес» был красным. Доехали до шоссе на Сан-Диего, она заняла левый ряд и ускорила. Где-то до ста двадцати километров в час. Ох, какая горячая. Как торопится. Что-то резко выпрямилось у меня между ног. Лоб начал покрываться потом. Разогналась почти до ста тридцати. Эта сучка реально горяча, ох, как она горяча! Синди, Синди! Я не отставал, сохраняя дистанцию в четыре корпуса. Береги свою задницу, негодница! Вот оно! Догнать и обезвредить, да! Я же Ник Билейн, я ей устрою!

И тут я заметил в зеркале красные огни.

Вот блин!

Я перестроился в правый ряд, притормозил на обочине и вышел из машины. Легавые остановились в пяти корпусах от меня. Вышли по одному с каждой стороны своей машины. Я направился к ним, нащупывая бумажник. Легавый повыше достал пистолет и направил на меня.

– Стой!

Я остановился. Что он собрался делать, изрешетить меня? Ну давай, вперед, изрешети!

Который поменьше, обошел меня, заломил руку, подвел к полицейской машине и жестким движением прижал лицом к капоту.

– Ну ты, придурок, – сказал он, – знаешь, что мы делаем с такими, как ты?

– Да, блин, догадываюсь.

– Умничает, засранец!

– Не напрягайся, Лу, – отозвался высокий. – Тут не место, у кого-нибудь может быть камера.

- Билл, меня реально бесят такие умники.
- Он у нас еще получит, надерем ему задницу чуть позже.
- Я стоял лицом на капоте, машины на шоссе замедляли ход, любители поглазеть – глазели.
- Ну, ребят, давайте, а то тут сейчас пробка будет.
- Пробка нас не колышет, – заявил Билл.
- Ты нам угрожал, бежал в нашу сторону и тянулся рукой за пояс, – заорал Лу.
- Я тянулся за бумажником, там мое удостоверение. Я детектив из Лос-Анджелеса, работаю по лицензии. Преследовал подозреваемого.
- Лу немного ослабил мертвую хватку, которой вцепился мне в руку.
- Встань.
- Ага.
- Так, медленно возьми бумажник и покажи права.
- Сейчас.
- Я вручил ему сложенный листочек.
- Это че за фигня? – спросил он и вернул мне листок. – Разверни и дай сюда.
- Я это и сделал, объяснил:
- Это временные права. Мои старые права забрали, когда я завалил экзамен, не сдал теорию. С этим я могу ездить до следующей попытки, которая через неделю.
- То есть ты не сдал экзамен?
- Ага.
- Билл, слышь, он не сдал экзамен на новые права.
- Че? Ого!
- Да как-то в голове в тот момент ничего не было.
- Похоже, что у тебя в голове по жизни ничего нет, – подколот Лу.
- Вот ты клоун, – сказал Билл.
- Так, значит, говоришь, ты детектив с лицензией?
- Ага.
- Что-то не верится.
- Когда вы включили мигалку, я преследовал подозреваемую. И почти нагнал ее!
- Я протянул Лу фотографию Синди.
- Ух ты, – остолбенел Лу, вылупившись на снимок. На снимке Синди была просто офигенная, во весь рост, в мини-юбке и блузке с глубоким вырезом, очень глубоким.
- Билли, глянь-ка.
- Билл, я был у нее на хвосте. Я почти взял ее за задницу.
- Билл все смотрел и смотрел.
- Ох... да уж...
- Фотография мне еще нужна, господин полицейский. Это вещественное доказательство.
- А, да, конечно, – ответил он и с неохотой вернул карточку.
- Ну, а теперь мы должны тебе задницу надрать, – сказал Лу.
- Но не будем, – вмешался Билл. – Мы напишем, что ты превысил до ста двадцати, хоть там и были все сто тридцать. Но фотку ты нам оставишь.
- Что?
- Что слышал.
- Но это шантаж!
- Чего?
- В смысле, согласен.
- Я отдал снимок обратно Биллу. Он стал выписывать квитанцию. Я ждал. Он дописал и протянул мне.
- Подпиши.

Я подписал.

Он оторвал листок и вручил мне.

– У тебя десять дней на оплату. Если не согласен, можешь обращаться в суд. Когда – там написано.

– Спасибо, господин полицейский.

– Не нарушай больше.

– И вы тоже.

– Че?

– Не буду, говорю.

Двое легавых пошли к своей машине. Я к своей. Сел, завел мотор. Легавые еще не уехали.

Я выехал на шоссе и выдерживал примерно девяносто или девяносто пять километров в час.

Ох, Синди, ты за это заплатишься. Я тебе так надеру задницу, как никто еще не делал.

Я свернул на шоссе Харбор Фривей, на юг, и просто ехал и ехал, едва ли зная, куда.

12

Харбор Фривей я проехал до конца, оказавшись в Сан-Педро. Спустился по Гэффи, свернул налево на седьмую, миновал пару кварталов, потом направо к Тихому океану, еще немного проехал, а увидев бар «Жаждающий кабан», припарковался и зашел. Внутри было темно. Телевизор не включали. За стойкой торчал дед лет восьмидесяти, весь белый: волосы, кожа, губы. В баре сидели еще два старика, тоже белые как мел. Будто у них у всех кровь вышла. Как мухи в паучьих тенетах, уже выпитые досуха. Напитков видно не было. Никто не двигался. Белое безмолвие.

Я остановился в дверях, глядя на них.

Наконец, бармен нарушил тишину:

– А?

– Кто-нибудь видел тут Синди, Селина или Красного Воробья?

Они просто продолжали смотреть на меня. Губы одного из них сложились в кружок с маленькой влажной дырочкой посередине. Он пытался что-то сказать, но не мог. Другой потянулся вниз и почесал себе яйца. Во всяком случае, там, где они могли когда-то быть. Бармен по-прежнему оставался недвижим. Он выглядел как плоский картонный манекен. Старый манекен. Внезапно я почувствовал себя очень молодым.

Я прошел в заведение и сел на табурет.

– Здесь выпить можно или как?

– А... – ответил бармен.

– Водку с соком лайма, дольку не надо.

Теперь идите и убейте как-нибудь четыре с половиной минуты. Именно столько бармен готовил данный коктейль.

– Спасибо, а теперь, пожалуйста, еще один, пока ты снова не замер.

Я залпом опрокинул первую порцию. Неплохо. Старик много тренировался, мастерство не пропасть.

Двое других все так же сидели, глядя на меня.

– Хороший сегодня день, а? – подал я голос.

Никто не ответил. Мне начало казаться, что они не дышат. Гм, может, тут больше не принято хоронить мертвых?

– Ребят, когда кто-нибудь из вас в последний раз снимал с женщины трусики?

Один засмеялся:

– Э-хе-хе-хе-хе...

– Что, вчера ночью что ли?

– Э-хе-хе-хе-хе...

– Ну и как? Хорошо было?

Мне становилось там тоскливо. Моя жизнь замерла. Мне нужна какая-то вспышка, искра, сияние, что-то в этом роде. А здесь я говорю с мертвыми.

Первый напиток закончен, на очереди второй.

Вошли два человека с чулками на лицах.

Я осушил второй.

– Так, всем молчать!!! Не двигаться!!! Кошельки, драгоценности, часы – на стойку, быстро! – заорал один из них.

Другой перемахнул через стойку, метнулся к кассе и стал долбить кассовый аппарат.

– Эй, вы, как эта штука открывается?!

Он огляделся и заметил бармена.

– Дед, а ну иди сюда, открой чертов ящик!

И наставил на бармена пистолет. В этой ситуации тот задвигался шустрее. В долю секунды подошел и открыл.

Второй грабитель в это время сгребал в мешок то, что мы выложили на стойку.

– Возьми коробку от сигар, которая под стойкой, – заорал он напарнику.

Тот сгребал в мешок деньги из кассы. Взял коробку, она была полна денег. Бросил в мешок и ее, перескочил через стойку обратно.

Пару секунд они постояли.

– Просто охренеть! – сказал тот, который брал деньги.

– Забей, уходим.

– Охренеть! – заорал первый. Он наставил пистолет на бармена и трижды выстрелил в живот. Старик три раза дернулся и упал.

– Придурок, ты че творишь?! – завизжал второй.

– Не называй меня придурком, пристрелю, – заверещал тот и наставил пистолет на напарника. Но опоздал: прямо в нос влетела пуля и выскочила через затылок. Он перекувырнулся, роняя барный табурет. Первый бросился бежать. Я досчитал до пяти и рванул за ним. Когда я исчез, два оставшихся старика были живы. По-моему.

Я мгновенно сел за руль, развернулся, пересек квартал, свернул направо, в маленький проулок. Сбавил скорость и какое-то время просто ехал. Потом услышал полицейскую сирену. Торопливо закурил, включил радио. Какой-то рэп. О чем там болтает рэпер, я не понял.

Куда ехать, к себе или в офис, я не знал.

В итоге оказался в магазине. Набрал в тележку пять грейпфрутов, курицу гриль и картофельный салат. Еще 0,75 л водки и туалетную бумагу.

13

Я вернулся домой и набросился на курицу с салатом. А грейпфрут стал катать по ковру. Чувствовал себя разбитым. Всё против меня.

Вдруг зазвонил телефон. Я выплюнул непрожаренное крылышко и взял трубку.

– Да.

– Господин Билейн?

– Да.

– Вы выиграли бесплатную поездку на Гавайи, – сказал голос.

Я повесил трубку, пошел на кухню и налил себе водки с минеральной водой и капелькой острого соуса табаско. Сев, выпил половину, и тут раздался стук в дверь. Стук мне не понравился, но, так или иначе, я подошел к двери и сказал:

– Войдите.

Зря я это сделал. Пришел сосед из 302-й, почтальон. У него еще руки такие нескладные, висячие, забавно даже. В смысле ума то же самое. Его взгляд никогда не направлен прямо на тебя, он смотрит куда-то в пространство за твоей головой. Как будто ты где-то там, а не прямо перед ним. Ну и есть у него еще пара странностей.

– Здорово, Билейн, накатить есть?

– На кухне есть, замешай себе.

– Ага.

Он прошел в кухню, насвистывая какой-то веселый диксиленд.

Потом разболтанной походкой вернулся, держа в каждой руке по стакану. Сел передо мной.

– Решил запастись, – показал он подбородком на выпивку.

– Вообще-то это все продается много где, ты бы сделал себе стратегический резерв.

– Пофиг, ладно... Слушай, Билейн, я тебе кое-что хочу сказать по делу.

Он опустошил стакан, который держал в правой руке, и разбил его, метнув в стену. Это он у меня научился.

– В общем, я пришел, чтобы мы оба начали путь к легкой славе.

– Так-так, рассказывай.

– Двинутый Майк. На днях бежал дистанцию. Бегаёт, как язык прокаженного по груди девственницы. Пробежал первую четверть мили за 21,0. В заезде двадцатитысячников вышел на прямую с опережением в пять корпусов, в итоге уступил только полтора. Теперь его ставят как пятнадцатитысячника. Такого бегунка на три четверти мили бы, они только его задницу и увидят. В программе бегов пишут: ставки пятнадцать к одному. Дело верное, давай, сосед, ты в доле!

– А зачем тебе я? Не хочешь сам получить все?

Сосед глотнул из второго стакана. Огляделся, поднял стакан.

– Э! Если разобьешь, третью ноздрю получишь.

– Что?

– Подумай.

Он спокойно поставил стакан на место.

– Еще есть?

– А ты как думаешь? Налей мне тоже.

Он направился в кухню. А я постепенно терял терпение.

Почтальон вернулся и протянул мне наполненный стакан.

– Погоди, – сказал я, – дай лучше твой.

– А что?

– Там крепче.

Он дал мне другой, сам сел.

– В общем, это, ваше почтальонство, зачем тебе я-то?

– Ну, хм!..

– Да, скажи.

– Я немного на мели. Нечего ставить. Но когда мы выиграем, я тебе все отдам.

– Как-то не очень мне это.

– Ладно тебе, Билейн, мне нужно немного баблишка, и все.

– Немного это сколько?

– Двадцать баксов.

– Двадцать баксов?!

– Десять.

– Это тоже до хрена.

– Хорошо, пять.

– Ну, нет.

– Два.

– Лучше проваливай.

Он допил свой стакан и встал, я допил свой.

Но сосед не спешил.

– А что это грейпфруты на полу делают?

– Мне нравится, когда грейпфруты на полу.

Я встал и подошел к нему.

– Дружище, тебе пора.

– Пора, да? Когда захочу, тогда и пойду.

От выпитого он стал задираться. Так бывает.

Я врезал ему кулаком в живот. На руке был кастет, так что чуть насквозь не прошел.

Он рухнул.

Я пошел собирать с пола осколки стакана. Собрав, подошел, открыл ему рот и высыпал их туда. Затем потер щеки и легонько похлопал. Губы покраснели.

А затем вернулся к выпивке. Прошло наверно минут сорок пять, и почтальон зашевелился. Он перевернулся, выплюнул кусок стекла и пополз к двери. Выглядел он жалко. Подполз к двери, я открыл, и он продолжил движение в сторону своей квартиры. Придется в дальнейшем понаблюдать за ним.

Я закрыл дверь.

Сел, увидел в пепельнице наполовину выкуренную сигару. Зажег, затянулся, раскашлялся. Повторил процедуру. Неплохо.

Захотелось побыть одному, поразмыслить.

Сегодня больше ничего делать не буду.

Жизнь изнашивает человека, изнашивает до дыр.

Ну, завтра будет лучше.

14

Назавтра я снова зашел в книжный Реда. Вновь приступил к делу Селина. Ипподром был закрыт, а день пасмурный. Ред занимался ценниками каких-то редких книг.

– Как насчет Мюссо? – спросил он.

– Не могу, Ред. Я все время жру, посмотри на меня.

Я распахнул плащ. Под рубашкой хорошо виднелся выпирающий живот, одна пуговица уже отлетела.

– Тебе надо жир высосать. А то инфаркт будет. Знаешь, трубкой высасывают. Можешь хранить его в банке и любоваться. Зато не забудешь, что пончиков с вареньем надо есть поменьше.

– Посмотрим. Грейпфрут будешь?

– Грейпфрут? От них не толстеют.

– Знаю. Но я навернулся сегодня на грейпфруте, когда вставал. Они опасны.

– Ты что, в холодильнике спал?

Я вздохнул.

– Сменим тему. Ты знаешь чувака, который похож на Селина?

– А, этого...

– Ага. Он не заходил?

– Нет, только когда ты был. Ты эту пташку отслеживаешь?

– Можно сказать и так.

В этот самый момент как ни в чем не бывало заглянул он. Селин.

Он протиснулся мимо нас, прошел вдоль рядов полок и выбрал книгу.

Я приблизился к нему. Вплотную. У него в руках был экземпляр «Когда я умирала» с автографом. Он заметил меня.

– Раньше, – начал он, – писатели жили интереснее, чем можно прочитать в их книгах. А сейчас и судьбы, и произведения одинаково скучны.

Фолкнер отправился на место.

– Вы где-то тут живете? – спросил я.

– Возможно. А вы?

– У вас раньше был французский акцент, верно?

– Этого нельзя исключать. А у вас?

– У меня не было. А вам когда-нибудь говорили, что вы похожи на кого-то другого?

– Каждый в той или иной степени похож на кого-то другого. У вас закурить есть?

– Есть.

Я полез за пачкой.

– Пожалуйста, – попросил он, – возьмите сигарету, зажгите, закурите. Так вам будет чем заняться.

Сказав это, он направился к выходу.

Я зажег сигарету, затащился и пошел за ним. Кивнул на прощанье Реду и вышел на улицу. Только успел увидеть, что этот похожий на Селина человек садится в «Фиат» 1989 года. А что за машина припаркована сразу за ним? Мой «жук». Вот это удача! Ха-ха, «это маловероятно», «тому не бывать», рассказывайте мне теперь! Стоило в первый раз за последние месяцы остановиться у тротуара. Я запрыгнул в машину, дал по газам и сел на хвост.

Он поехал на восток по Голливудскому бульвару.

Леди Смерть, смотри на меня, я для тебя стараюсь.

На следующем светофоре я чуть не потерял его, но успел проскочить под красный. Ничего страшного, только маленькая старушка на маленьком «Фольксвагене Кэди» нехорошо обозвала меня. Я улыбнулся.

Вскоре Селин, а следом я, выехали на Голливудское шоссе. Солнце прожигало облака. Я не упускал Селина из виду. Самочувствие было прекрасное. Может быть и стоит высосать жир через трубку. Я еще молод, жизнь впереди.

Селин поехал по шоссе Харбор Фривей.

Затем Санта-Моника.

Потом Сан-Диего. На юг.

Селин свернул, я за ним. Места вроде бы знакомые. Я следовал в полуквартале сзади. Надеюсь, он не так уж внимательно смотрит в зеркало.

И вот он замедляет ход, подъезжает к тротуару и останавливается. Я сделал то же самое и продолжил наблюдение.

Селин вышел из машины и прошел дальше, миновав несколько домов. Затем пересек улицу, оглядываясь через плечо. Он остановился, еще раз огляделся, прошагал по дорожке к дому. Встал перед дверью, оглянулся, постучал. Дом был большой и казался мне знакомым.

Дверь открылась, Селин исчез внутри.

Я медленно подъехал ближе. Здесь живет Джек Басс. Любопытно более чем! Еще только половина третьего. Красный «Мерседес» Синди здесь.

Я объехал квартал и встал на предыдущем месте.

Выходит, я накрою обоих одним махом. Я разоблачу Селина и схвачу за задницу Синди.

Дам им немного времени. Десять минут.

В школе учительница нас спрашивала, кем мы хотим стать, когда вырастем. Почти все мальчики хотели стать пожарными. Это тупо, можно обгореть. Некоторые хотели быть врачами или адвокатами. Но никто не сказал, что хочет стать детективом. А вот я стал. Но тогда, когда была моя очередь отвечать, я сказал: «Не знаю я...»

Десять минут прошли. Я взял видеокамеру, толкнул дверь машины и направился к дому. Я даже слегка дрожал. Глубоко вздохнув, подступил к двери. С замком разобрался быстро и через сорок пять секунд уже попал внутрь.

Войдя в залу, услышал разговор. Подошел к двери комнаты. Они были там. Я узнал их голоса. Говорили тихо. Я прижался вплотную к двери и стал слушать.

Говорил Селин.

– Тебе это нужно, ты ведь понимаешь...

– Я... – отвечала Синди, – не уверена... Представляешь, если Джек узнает?

– Он никогда не узнает.

– Джек жестокий человек.

– Он не узнает. Это же для твоего блага!

Синди рассмеялась.

– Моего блага? А ты ничего с этого не получишь, да?

– Конечно получу... Вот, смотри, возьми в руки... Это начало...

Я подождал еще пару секунд, потом толкнул ногой дверь и вошел, уже включив и наведя видеокамеру.

Они сидели за кофейным столиком, а Синди, кажется, подписывала какие-то бумаги. Она подняла взгляд на меня и закричала.

– Вот блин, – сказал я и опустил камеру.

– Что происходит? – спросил Селин. – Ты его знаешь?

– Никогда не видела.

– Я видел. Он ошивается в книжном и задает дурацкие вопросы.

– Я вызываю полицию.

– Подождите, – сказал я. – Сейчас все объясню.

– Уж постарайтесь, – сказала Синди.

– Да уж, – сказал Селин.

Но я ничего не мог придумать и просто стоял столбом.

– Все, я вызываю полицию, – сказала Синди.

– Подождите, – заговорил я. – Джек Басс, ваш муж, нанял меня. Я сыщик.

– Нанял вас? Для чего?

– Чтобы вас поймать с поличным.

– Чтобы поймать меня с поличным?!

– Да.

– Я предлагал леди варианты страхования, не более того, – объяснил Селин, – а вы тут вламываетесь со своей камерой.

– Прошу прощения, я ошибся. Позвольте мне исправиться.

– И как вы думаете это исправить? – поинтересовался Селин.

– Сейчас я этого не знаю. Но я дико извиняюсь. Я что-нибудь придумаю, честно.

– Кретин какой-то, – сказала Синди, – тяжелый случай!

– Извините. Но мне пора. Я свяжусь с вами по всем вопросам.

– Мы тебя сдадим полиции, – заявила Синди.

– Мне правда надо идти.

– О, нет... Никуда ты не пойдешь.

Как только я повернулся к двери, она нажала вызов. Передо мной как из-под земли выросло внушительное подобие Кинг-Конга. Оно было чудовищно и медленно надвигалось на меня.

– Эй, парень, – сказал я, – хочешь конфетку?

– Придурок, ты и есть моя конфетка.

– А игрушки любишь?

Кинг-Конг не ответил и повернулся к Синди:

– Убрать его?

– Нет, Брюстер, сделай так, чтобы он какое-то время не двигался.

– Ага.

Чудовище направилось ко мне.

– Брюстер, – нашелся я, – ты за кого голосовал на президентских выборах?

– Че?

Он задумался и остановился.

Я схватил видеокамеру и метнул ее в Кинг-Конга так, что она попала прямо ниже пояса. Тот согнулся, схватившись за причиндалы.

Я быстрым движением поднял камеру и со всего размаху обрушил ему на шею. Раздался звук треснувшего стекла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.